

П. Н. Базанов

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ю. Г. СЛЕПУХИНА

Юрий Григорьевич Слепухин (Кочетков) — один из самых известных представителей второй «волны» русской эмиграции, вернувшихся на родину. Он был человеком судьбы поразительной. В 1943 году, 16-летним подростком, вместе с родителями и младшей сестрой он был угнан из оккупированного немцами Ставрополя в Германию. Там семья Кочетковых в качестве «остарбайтеров» — восточных рабочих — попала сначала в немецкий рабочий лагерь в Эссене, а позже стала батрачить в помещицкой усадьбе. Однако на родину в 1945 году, когда в Германию вошли союзнические войска, они не вернулись. Близкие родственники Кочетковых были репрессированы в СССР еще до войны, а «контакты с немецкой администрацией» — понятие, Госбезопасностью трактовавшееся очень широко. В «контакты» включался и плен, и угон в Германию, и просто жизнь на оккупированной территории. Для семьи по возвращении в СССР это вполне могло кончиться ГУЛАГом. Поэтому Кочетковы, чтобы избежать насильственной репатриации в СССР, как и большинство представителей второй волны, меняют фамилию на Слепухины, по девичьей фамилии бабушки.

Ко второй «волне» эмиграции обычно относят людей, покинувших родину в годы войны и не вернувшихся. Всего их насчитывалось около 400 000–450 000 человек. Традиционно сюда причисляют не только «остарбайтеров», насильственно угнанных с оккупированных территорий для работы в сельском хозяйстве и промышленности III Рейха, но и военнопленных, и «власовцев», и так называемых «добровольцев» («хи-ви»), а также тех, кто сотрудничал с оккупантами. В последнюю категорию входили как полицаи-каратели, так и учителя начальных школ, и даже уборщицы. В советской

юридической практике того времени все они одинаково считались «пособниками врага» и «изменниками Родины», с неизбежным наказанием в виде ареста и пребыванием в лагерях. Согласно ст. 193 п. 22 УК РСФСР 1922 года, плен приравнивался к измене Родине; Приказ ставки Верховного Главнокомандующего от 16 авг. 1941 г. № 270 гласил, что командиры и политработники, сдавшиеся в плен, подлежат расстрелу на месте, а их родственники — аресту и ссылке на 5 лет.

Среди представителей второй волны не было таких известных имен, как среди первой. Никто из них не получил Нобелевской премии, не изобрел вертолет и не стал королем Андорры. Только философ С. А. Аскольдов и писатель, литературовед Р. В. Иванов-Разумник были видными представителями Серебряного века. Но они умерли сразу после окончания войны. Тем не менее, во второй «волне» можно выделить имена поэтов Д. Кленовского (Д. И. Крачковского), И. Елагина (И. В. Матвеева), Р. Березова (Р. М. Акульшина), О. Анстей (О. Н. Штейнберг), В. А. Синкевич; писателей Б. Н. Ширяева, Б. А. Филиппова (Филлистинского), Л. Д. Ржевского (Суражевского), С. С. Максимова (Пашина или Пархина); литературоведов и критиков Л. А. Фостер (урожденной Колесниковой), В. Д. Самарина (Соколова), В. К. Завалишина, Г. Андреева (Г. А. Хомякова), М. М. Корякова; художников С. Л. Голлербаха и А. В. Русака, историков Н. И. Ульянова, А. Г. Авторханова, Н. Н. Рутыч (Рутченко); общественных деятелей Е. Р. Романова (Островского), Н. А. Троицкого (Б. Яковлева), А. Н. Артемова (Зайцева); священников протоиерея Д. Константинова, игумена Геннадия (Эйкаловича) и многих других. Особо отметим младших современников Серебряного века, чье творчество вызывает в современной России пристальное внимание. Они считались в среде первых российских эмигрантов «своими», в отличии от тех, кто вырос и сформировался при социалистическом режиме.

Вместе с тем, отечественная научная и публицистическая мысль уделяет явно недостаточное внимание реэмигрантам из числа второй волны, и прежде всего Ю. Г. Слепухину. Это более чем странно, если учитывать многочисленные исследования, посвященные феномену «возвращенчества» первой эмиграции.

В 1945 г. англичане перевезли семью Кочетковых в Нидерланды, а затем в Бельгию и дали статус «перемещенных лиц» — «Ди-Пи». Лагеря «Ди-Пи» были местом, где непосредственно происходил контакт между первой и второй «волнами». Они оказались последними «островами», даже скорее «архипелагами» континента «Русское Зарубежье» в 1945–1951 гг. — эти лагеря для насильственно депортированных немцами или добровольно ушедших жителей СССР и стран Восточной Европы. Власти США, Великобритании и Франции лицемерно именовали их «displaced persons» (в переводе с английского — «перемещенные лица») или «DP» (в сокращенной русифицированной форме «Ди-Пи» или дипийцы), чтобы не считать их эмигрантами или беженцами. Следовательно (по Ялтинскому соглашению 1945 г.), они подлежали депортации в СССР. Дипийцы состояли из следующих категорий лиц: эмигранты первой «волны» и их потомки, жившие на территориях, которые после Второй мировой войны стали контролироваться коммунистами; русское население стран-лимитрофов, а также Франции, Бельгии, Голландии; все те, кого причисляют ко второй эмиграции. Лагеря «Ди-Пи» существовали на территориях Германии, Австрии, Бельгии, Италии и Греции (не попавших в зону оккупации советской армии) под эгидой английской, французской администрации.

Через Голландию Слепухины оказываются в Бельгии. Там, в Брюсселе, начинаются первые знакомства с представителями первой «волны». Во многом благодаря помощи зарубежных соотечественников Слепухиным удалось избежать репатриации в СССР. По воспоминаниям сестры писателя Ирины Григорьевны, в Брюсселе они с братом посещали лекции по русской истории старого графа Апраксина. Прийти к нему домой мог любой, после чего устраивались диспуты, слушатели делились своими мнениями¹. Из других представителей эмиграции из России Ирине Григорьевне запомнилась внучка генерала Врангеля Наталья. Самое большое влияние на Ю. Г. Слепухина в «бельгийский» период его жизни оказал член НТС (Национально-Трудовой Союз)

¹ Слепухина И. Г. Воспоминания о брате. См. с. 43 данного издания.

Михаил Алексеевич Прозаровский (Багдасаров) (?–1949), ставший крестным отцом Ю. Г. и его сестры и позднее и привлечший его в свою политическую организацию². Ю. Г. Слепухин стал не просто членом НТС, но и постоянным автором органа этого союза — газеты «Посев»³.

Круг друзей Ю. Г. тоже был связан с НТС. Часто будущий писатель бывал у молодых представителей первой эмиграции в Брюсселе — Мары (Марии Алексеевны) (1930–1967) и Бориса Литвиновых. Журналист Б. А. Литвинов (1921–1977), член НТС в 1941–1965 гг., работал в русской библиотеке, был секретарем «Российского Национального Объединения», а впоследствии стал главой отдела НТС в Греции и сотрудником радиостанции «Свобода» в Мюнхене и Тайване. В августе 1947 г. Ю. Г. ездил в Париж встречаться с членом руководства НТС Аркадием Петровичем Столыпиным — сыном знаменитого премьер-министра⁴.

С конца 1940-х гг. начинается новое «рассеяние» эмигрантов из России по всему свету. Массовые русские диаспоры возникли в таких далеких и экзотических странах, как Аргентина, Австралия, Бразилия, Венесуэла, Уругвай, государства Южной Африки и т. д. Новым крупнейшим центром русской эмиграции стал научно-культурный треугольник на Атлантическом побережье США: Нью-Йорк — Вашингтон — Бостон, где находятся самые известные американские университеты — Гарвардский и Йельский. За счет представителей второй волны и первой русской эмиграции из Европы и Китая в Новом Свете обновились старые русские колонии. Не стала исключением семья Слепухиных. В 1947 году Ю. Г. Слепухин с родственниками переезжает в Аргентину.

В Буэнос-Айресе, столице Аргентины, он прожил десять лет, активно печатаясь в эмигрантской прессе. Увлечение политикой привело его в ряды руководства Южно-Американского отдела. Как и все эмигранты, он не чурался никакого труда. Не по своей воле перепробовал он множество

² Там же. С. 42.

³ Там же. С. 54.

⁴ Архив Ю. Г. Слепухина. Зап. книжка 1947 г.

профессий: был разнорабочим на стройке, автомехаником, монтажником, электриком, конторским служащим, дизайнером ювелирных изделий и т.д.

К моменту переезда Ю. Г. в Аргентину ее российская диаспора имела долгую историю.

Первые эмигранты из России прибыли в Аргентину еще в начале XX века. Это были немцы-меннониты, евреи и крестьяне из западных губерний, занимавшиеся временными и сезонными работами. После революции 1917 г. и Гражданской войны в Аргентину стали прибывать те, кому не удалось устроиться в Европе или на Дальнем Востоке. Именно их латиноамериканцы стали называть «руссо бланко», т. е. «белые русские». Новые эмигранты резко отличались и от аборигенов-индейцев, и от потомков испанцев, итальянцев, жителей балканских стран, и от ортодоксальных евреев из России (т.н. «руссо ортодоксало»). На что наши соотечественники охотно откликались: «конечно, мы белые русские, не красные же». К ним присоединились переселенцы из Бессарабии и восточных районов Польши, уезжавшие от экономического кризиса и русофобской политики местных властей.

Расцвет русской диаспоры в Аргентине начинается после 1948 г., когда президент Хуан Перрон, настроенный резко антикоммунистически, издал приказ о приеме в страну 10 000 русских, независимо от их возраста, семейного положения, политических взглядов и деятельности в 1941–1945 гг. Особенно много была военных — ветеранов белого движения, чинов Русского корпуса из Сербии, советских военнопленных, власовцев, казаков и т.д. (хотя квота осталась незаполненной). Среди них были военные теоретики, писатели, журналисты, священники, бывшие советские зеки, раскулаченные крестьяне. В конце 1940-х–1950-х гг. Буэнос-Айрес становится столицей русского зарубежья. Аргентина теперь, вместо Югославии и Болгарии, стала являться заповедником правой по преимуществу монархической эмиграции, для которой даже «Национально-Трудовой Союз» (НТС) был слишком левым.

В Аргентине существовало Генеральное представительство НТС. К концу 1953 г. его старшими членами числились

Д. С. Богданович, Ю. А. Герцог, А. Г. Денисенко, И. И. Иванов, В. А. Книрша, И. В. Пророков, Р. А. Синицкий и А. Л. Швец⁵. Большинство их упоминаются в записных книжках Ю. Г. Слепухина. Но самые теплые чувства связывали начинающего писателя с руководителем аргентинского отдела (в 1945–1952 гг.) капитаном Евстафием Игнатьевичем Мамуковым (1891–1976), одним из самых авторитетных членов руководства НТС. Он был председателем югославского отдела (в 1938–1942 гг.) и германских групп (в 1952–1955), членом Руководящего Круга, Совета НТС и председателем Высшего Суда Совести и Чести НТС, редактором журнала «Вехи» (Буэнос-Айрес, 1947–1950), газеты «Заря Свободы» (1956–1958, № 1–12) и журнала «Зарубежье» (Мюнхен, 1965–1979).

И. Г. Слепухина вспоминает Е. И. Мамукова, как «уже немолодого человека, который горел и верил в свою идею как юноша. Во время революции — белый офицер, эмигрировавший и осевший где-то на Балканах. Там же он стал одним из первых создателей НТС, свято веривший, что эта идея когда-нибудь все же найдет свое место на родине. Он был очень тяжело болен легкими, побывал в немецком концлагере, едва унес ноги от СМЕРШа, но его вера, энергия и воля были несокрушимы, а еще у него были удивительные, сияющие глаза — поистине это был светлый человек. При этом очень умен, великолепно образован, одарен в ораторском искусстве. Надо ли удивляться, что Юрий Григорьевич его очень ценил и уважал»⁶. Не менее восторженную оценку дает Е. И. Мамукову даже такой язвительный и часто тенденциозный мемуарист, как Б. В. Прянишников. «Терский казак, инженер по профессии, брюнет, чуть ниже среднего роста, живой как ртуть, был он носителем союзного духа, целиком отдавшим себя делу служения России... Мне думается, что, помимо членов Исполнительного Бюро, в Союзе не было более популярного деятеля, нежели Е. И., ласкового прозванного Мамукеем»⁷.

⁵ Байдалаков В. М. Да возвеличится Россия. Да погибнут наши имена. М., 2002. С. 115.

⁶ Слепухина И. Г. Указ. соч. С. 54–55 данного издания

⁷ Прянишников Б. В. Новопоколенцы. Мадрид : Silver Spring, 1986. С. 135–136.

Заместителем Е. И. Мамукова был член кадетского объединения в Аргентине, редактор издатель журнала «Кадетское письмо» (1955–1961. – №1-21) Алексей Гордеевич Денисенко (1907–1962). В 1930-х гг. ступил в НТСНП, во время Второй мировой войны — старший лейтенант РОА. Затем в конце 1940-х гг. переехал в Аргентину, стал личным представителем А. П. Столыпина в Южной Америке и секретарем «Кадетского Объединения». С сыном А. Г. Денисенко — Гарри Ю. Г. Слепухин дружил.

Неудивительно, что и любимая девушка Ю. Г. тоже состояла в НТС (с 1949 г.). Ксения (Ксана) Мазараки (1931 г.р.) — из первой «волны», ранее жила в Бельгии, куда в начале 1952 г. вернулась⁸.

Ю. Г. Слепухин стал представителем молодежного отдела по всей Южной Америке. По воспоминаниям сестры, он писал статьи, выступал на собраниях (а собирались они часто), ведя обширную и довольно кипучую деятельность. Солидаристы тоже устраивали свои вечера, концерты, открытые собрания и т.д. В общем, работы хватало. В те годы молодежь еще верила в политику, наивно мечтая своей деятельностью принести хоть какую-то пользу Отечеству⁹. Ю. Г. Слепухин раздавал в русских церквях прессу и программу НТС¹⁰.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. НТС издавал в Буэнос-Айресе ряд периодических изданий. Это в первую очередь газета «Наш голос», которую и распространял Ю. Г. Слепухин. В 1949 г. в Буэнос-Айресе стала выходить газета «Вехи» — «орган национально-трудового движения солидаристов» (более 16 номеров по 28 страниц) под редакцией Ю. А. Герцога. В том году переселившийся из Германии протоиерей Д. В. Константинов привез линотипные матрицы из издательства «Эхо» (по просьбе Исполнительного Бюро НТС) и должен был их передать руководителю аргентинской организации Е. И. Мамукову, но последний решил оставить матрицы у Д. В. Константинова в обмен на набор журнала

⁸ Архив Ю. Г. Слепухина. Зап. книжка 1947 г.

⁹ Слепухина И. Г. С. 69 данного издания.

¹⁰ Архив Ю. Г. Слепухина. Зап. книжка 1950 г.

«Вехи», который собирался издавать¹¹. Так появилась популярная церковно-общественная еженедельная газета «Слово», затем «Новое слово» (Буэнос-Айрес, 1949–1960), редактируемая и издаваемая Д. В. Константиновым, которая в целом к НТС относилась благожелательно. После отъезда редактора в США в 1956–1960 гг. газета выходила под эгидой местного представительства НТС, под редакцией руководителя организации в Аргентине И. В. Пророкова, А. Белецкого и писателя Михаила Бойкова¹². С «Новым словом» Ю. Г. Слепухин сотрудничал до 1955 г.¹³

Ю. Г. увлекается стратегией и тактикой НТС и более всего изобретенной В. Д. Поремским «молекулярной теорией» — о возможности свержения сталинского режима революционным способом. Согласно этой теории, подпольная организация должна состоять из т.н. «каркаса» — небольших групп по 2–3 человека, имеющих связь только с зарубежным центром и не знающих друг о друге, и т.н. «заочной организации», создаваемой путем пропагандистских акций: листовок, брошюр, книг и радиопередач. В 1950 г. Слепухин читает «Теорию Национальной Революции» и пишет «Введение к теории молекулярной революции»¹⁴.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. в НТС следует ряд расколов, самый крупный из которых — на «духовников» и «деловиков». Основной причиной стали расхождения между представителями первой «волны», призывавшими сосредоточиться на идеологической работе, — т.н. «духовники» — и, главным образом, людьми из второй эмиграции, которые отстаивали линию активных действий — террористические акты, контакты с оппозицией в СССР, информационную и агитационно-пропагандистскую деятельность, — т.н. «деловики». Раскол начался как конфликт между руководством главных газет НТС — «Посева» и «Эхо», но быстро перерос в общеэмигрантское явление, затронувшее многие местные организации НТС. В результате противоречий вместо единой

¹¹ Константинов Д. В. Через туннель 20-го столетия. М., 1997. С. 389.

¹² Там же. С. 441.

¹³ Архив Ю. Г. Слепухина. Зап. книжка 1955 г. 12 янв.

¹⁴ Там же. 29 мая.

организации возникло три, претендовавших на преемственность по отношению к «Национально-Трудовому Союзу Нового Поколения»: это «Народно-Трудовой Союз (российских солидаристов)» (далее НТС) во главе с Е. Р. Романовым, В. Д. Поремским и А. Н. Артемовым, «Российский Национально-Трудовой Союз» (РНТС), председатель В. М. Байдалаков, и «Инициативная группа по созданию организации свободных солидаристов».

Именно руководители аргентинского отдела НТС Е. И. Мамуков и архитектор и поэт Юрий Алексеевич Герцог (1913–1972) энергично поддержали В. М. Байдалакова и вошли в руководство РНТС. И. Г. Слепухина вспоминает: «К сожалению, такие люди (как Е. И. Мамуков. — П. Б.) всегда в меньшинстве... пришли более молодые, более честолюбивые, и начались разногласия, приведшие к расколу»¹⁵.

В результате раскола Ю. Г. Слепухин официально выходит из НТС. Эту историю он осветил в романе «Южный крест», в беседе главного героя романа Михаила Полунина и одного из эмигрантов первой «волны»: «Ужасно перегрызлись между собой солидаристы, — один из них (чуть ли не член «руководящего круга») опубликовал в «Новом русском слове» две статьи — «Крушение одной концепции» и «НТС 1955». Сам Кока этих статей не читал, но слышал, что злее не могли бы написать и в Москве»¹⁶. Речь идет о появившихся в нью-йоркской газете «Новое Русское Слово» статьях, автором которых был Ю. Г. Слепухин¹⁷. В «Новом русском слове» появились статьи похожей тематики Б. С. Прянишникова и Г. А. Андреева (Хомякова), поэтому названные выше статьи ошибочно приписывались им.

Один из первых историков эмиграции В. С. Варшавский в своей, ставшей уже классикой, книге «Незамеченное поколение» пишет о взглядах Юрия Григорьевича Слепухина: «Отрицает фашистский характер солидаризма и Слепухин, и Прянишников. И Прянишников и Слепухин, идеализируя прошлое НТС, оба обвиняют теперешнее руководство: первый

¹⁵ Слепухина И. Г. С. 55 данного издания.

¹⁶ Слепухин Ю. Г. Избранное. У черты заката. Южный крест. СПб. : Ладога, 2011. С. 515.

¹⁷ Архив Ю. Г. Слепухина. Зап. книжка 1955 г. 11 апр. и 10 ноября.

— в уклоне к тоталитаризму, второй — в отказе от целостного мирозерцания»¹⁸.

Интересно отметить и тот факт, что большинство членов НТС, с которыми поддерживал контакты Ю. Г. Слепухин, оказались в оппозиции к руководству «Народно-Трудового Союза» (Е. Р. Романову и В. Д. Поремскому). Это, кроме вышеперечисленных, руководители «Инициативной группы по созданию организации свободных солидаристов» — ее председатель, политический деятель и журналист Борис Витальевич Прянишников (Серафимов) (1902–2002) и секретарь группы — доктор А. С. Виссарионов. Из других лиц можно выделить философа-солидариста С. А. Левицкого, а также К. В. Болдырева и А. Е. Ширинкина¹⁹. С Ариадной Евгеньеной Ширинкиной (1917–1990) Юрий Григорьевич Слепухин познакомился в Бельгии, где она жила и работала на заводе и организовывала местную группу НТС в 1947–1951 гг. Затем она стала работать в «Закрытом секторе» НТС по части «зарубежной оперативки», т.е. встречи советскими моряками и приезжающими и выезжающими соотечественниками²⁰.

В 1956 г. Ю. Г. Слепухин подал в советское посольство документы для возвращения в СССР. В 1957 г. комитет «За возвращение на Родину» поднял кампанию по переезду 40 тысяч соотечественников из Аргентины, реально уехало 3 200 человек. Среди них были писатель Ю. Г. Слепухин, знаменитый скульптор Степан Дмитриевич Эрзя (настоящая фамилия Нефедов) (1876–1959), полковник, публицист, член РОВС Георгий Александрович Бенуа (1885–после 1963).

В творчестве Ю. Г. Слепухина русская эмиграция представлена первой и второй «волной». В советское время Ю. Г. Слепухин был более всего известен как прозаик, правдиво писавший о Великой Отечественной войне и жизни на оккупированной территории, а уж потом как автор книг о эмиграции. На самом деле во всех произведениях, связанных с

¹⁸ Варшавский В. С. Незамеченное поколение, Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 114.

¹⁹ Архив Ю. Г. Слепухина. Зап. книжка 1950 г.

²⁰ Романов Е. В борьбе за Россию. М. Голос, 1999. С. 274.

войной и оккупацией, появляются герои и персонажи, связанные с российской эмиграцией. Я бы выделил два романа из тетралогии — «Тьма в полдень» и «Ничего кроме надежды», а также «Южный крест» и «Не подводя итогов».

Один из главных героев «Тьмы в полдень» и «Ничего кроме надежды» — это инженер-строитель Кирилл Андреевич Болховитинов, 1913 года рождения, т.е. «дитя» первой «волны». Он окончил кадетский корпус в Югославии и «Эколь политекник» в Париже, затем жил в Праге, потом в Дрездене. Представитель первой «волны», приехавший на оккупированную территорию, он из любви к родине — России — вступил в движение Сопротивления. Пребывание в сталинском СССР привело его ... в ГУЛаг, в один из лагерей в республике Коми.

«Южный крест» — самый автобиографический роман Слепухина. Не удивительно, что узкий специалист по истории русской эмиграции в Латинской Америке, доктор исторических наук М.Н. Мосейкина приравнивает «Южный крест» к мемуарам и воспоминаниям²¹. Главный его герой, Михаил Сергеевич Полуниин, учился в Ленинграде, в институте им. Бонч-Бруевича, затем ушел на фронт, попал в плен, а из него — во вторую эмиграцию и оказался в далекой и экзотической Аргентине, а потом, как и сам Ю. Слепухин, вернулся в СССР.

Третье произведение — «Не подводя итогов», написанное в форме мемуаров от лица некоего Николая Львовича Болотова. Герой произведения — ровесник века, участник Белого движения, затаившийся при советской власти, ставший потом эмигрантом второй «волны».

Итак, мы имеем при типологических варианта. Первая «волна» (белая) — это Кирилл Андреевич Болховитинов, вернувшийся в СССР после войны. Вторая эмиграция — это Михаил Сергеевич Полуниин, реэмигрант. Вторая же волна — это и Николай Львович Болотов (участник Белого движения), не вернувшийся. Сам автор, писатель Слепухин, — вторая эмиграция и реэмиграция.

²¹ Мосейкина М. Н. Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920-1960-е гг. автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2012. — С. 23–24.

Как выше указывалось, Кирилл Андреевич Болховитинов, герой «Тьмы в полдень» и «Ничего кроме надежды», — из дворян Орловской губернии. Возможно, одним из прототипов его послужил А. Г. Денисенко, окончивший «Крымский кадетский корпус» (7-й выпуск 1927 г.) в Югославии. Отец Болховитинова — белый офицер, первопроходник, корниловец, член РОВС, в конце жизни «полевел», стал «оборонцем» и слыл даже «большевизаном».

Любимые писатели К. А. Болховитинова — И. С. Шмелев, И. А. Бунин, М. А. Алданов и с оговорками (слишком мистичен) Д. С. Мережковский и поэт Владимир Смоленский. Все они были эмигрантами и в СССР неизвестны (или малоизвестны).

Для К. А. Болховитинова контакт с немцами в 1941 г. был единственным шансом вернуться на родину. Но герой Ю. Г. Слепухина не сомневается, что немцев разобьют. Возвращение на родину, пусть даже оккупированную, белоэмигранта — сюжет, популярный в литературе русской эмиграции, но не известный литературе советской. Начал тему писатель из первой «волны» Е. А. Гагарин романом «Возвращение корнета». Однако герой Слепухина приезжает в Россию как инженер коммерческой фирмы. К. А. Болховитинов ищет контактов с местным населением и в результате поисков начинает финансировать подпольную группу.

Антигероем «Тьмы в полдень», противоположностью К. А. Болховитинову является другой персонаж — зондерфюрер барон Валентин Карлович фон Венк, имевший до революции имение под Санкт-Петербургом, в молодости толстовец. В эмиграции он жил в Риге. Фон Венк стал убежденным нацистом.

В заключительном романе тетралогии «Ничего кроме надежды» в Праге появляется крестная главного героя Варвара Львовна Ададуева-Нащокина. Там же, в Праге, К. А. Болховитинов спорит со старым штаб-ротмистром, легитимистом, о судьбах России. Молодому эмигранту смешно слушать, что народ желает царя Владимира Кирилловича, хотя он и соглашается с мнением, трактующим А. А. Власова как изменника. Жившие под советской властью русские люди изменились куда более, чем могли

представить себе эмигранты. Однако, несмотря на все издевательства коммунистической власти, население СССР осталось русским. Конечно, многое изменилось, исчезла, к счастью на время, правая традиционалистская мысль. Ю. Г. Слепухин, устами Болховитинова, отмечает: в СССР о Достоевском знают понаслышке, о В. Соловьеве и К. Леонтьеве вообще не имеют никакого понятия, про Хомякова знают только, что это реакционный философ, идеолог славянофильства²². Отсюда и отношение советских людей к представителям первой эмиграции. «Да он же из беляков, которые с Врангелем из Крыма утекали» — такие фразы бросали К. А. Болховитинову, не вникая в то, сколько ему было лет в 1920-м г.²³

На общем политическом фоне русской эмиграции в межвоенное время К. А. Болховитинов, видимо под влиянием отца, — довольно левый. Например, он припоминает, что то ли младороссы, то ли евразийцы доказывали, что колхозы потому и привились в России, что это та же общинная система по сути.

Поэтому одной из центральных сцен романа «Ничего кроме надежды» является беседа с власовцем, обер-лейтенантом, который пытается доказать, что Гражданская война в России продолжается. Именно из-за этого отрывка советская цензура запретила первый вариант романа²⁴. К. А. Болховитинов знакомится с власовцем, когда читает «Взвихренную Русь» А. М. Ремизова. По этой русской книге обер-лейтенант понимает: перед ним соотечественник, и рассказывает о своей жизни и убеждениях. Служит он немцам только чтобы большевиков бить — все равно с кем, лишь бы поквитаться с коммунистами за коллективизацию и расказачивание. Ведь врагу служили более миллиона граждан СССР — невиданный прецедент в русской истории!²⁵ Да просто они, по мнению власовца, «при Сталине такого натерпелись, что после этого и в Гитлере освободителя

²² Слепухин Ю. Г. Избранное. СПб., 2006. Т. 2. С. 659.

²³ Там же. С. 651.

²⁴ Акимов В. М. Путь, который нужно пройти до конца // Слепухин Ю. Г. Избранное. СПб., 2006. Т. 2. С. 998.

²⁵ Слепухин Ю. Г. Избранное. СПб., 2006. Т. 2. С. 728, 731.

увидели...». Ведь советская власть заранее обрекла всех пленных на смерть²⁶. Большевики создали новую породу людей, — как еще объяснить предвоенное массовое доносителство, беспринципность и, как следствие, множество коллобарантов и перебежчиков?²⁷ По поводу надежд главного героя по возвращению на родину власовец напоминает, как всех сотрудников и жителей КВЖД в 1930-е гг. посадили²⁸. Параллельно они ведут не потерявший до наших дней актуальность спор, может ли неверующий быть русским патриотом или это прерогатива только православного.

В конце романа К. А. Болховитинов становится свидетелем похищения в Бельгии советским спецслужбами людей из второй «волны»²⁹.

В центре романа «Южный крест» — история поиска в Аргентине и Парагвае скрывшихся нацистских преступников. Обычный, казалось бы, сюжет для советской литературы 1960–1980-х гг. здесь является прикрытием во многом мемуарного, художественно-публицистического повествования о жизни русской эмиграции в Аргентине в послевоенное время. Даже в наши дни, при довольно большом интересе к русскому зарубежью, история российской диаспоры в Латинской Америке — область малознакомая. В 1982 г., когда в «Роман-газете» вышел «Южный крест», в СССР про диаспору в Аргентине почти никто ничего не знал, хотя интерес культуре и творчеству наших соотечественников за рубежом наблюдался огромный.

Основа романа «Южный крест» была написана еще в Буэнос-Айресе в 1956 г., дорабатывал роман писатель в 1972–1977 гг. При реэмиграции в СССР у Слепухина на таможене изъяли все зарубежные издания, включая русскую классику и сборники лирических стихотворений. Поэтому роман писался во многом по памяти.

²⁶ Там же. С. 733.

²⁷ Там же. С. 740, 741.

²⁸ Там же. С. 739.

²⁹ Там же. С. 877–878.

Главный его герой Михаил Сергеевич Полуниин попал в плен, бежал, воевал во французском Сопротивлении. После допроса в СМЕРШе смог уехать в Аргентину.

В тексте «Южного креста» разбросано много реальных фактических данных об истории русской эмиграции. Упомянется раскол НТС, очевидцем которого был сам писатель.

В романе Слепухина идет речь и о «Суворовском союзе». Его полное наименование — «Российское Военно-Национальное Освободительное Движение им Генералиссимуса А. В. Суворова». Основан он был в 1947 г. на базе кадров 1-й Русской Национальной Армии, воевавшей в составе Вермахта. Столь экзотическое название дано в память перехода через Альпы этой армии в княжество Лихтенштейн, причем по тем самым местам, где прошли суворовские чудо-богатыри. Органом союза был журнал «Суворовец» (Буэнос-Айрес, 1948–1955), редактируемый известным военным теоретиком Е. Э. Месснером, затем А. Л. Поповым. Основателем и председателем «Суворовского союза» был, по роману, «Генерал Смысловский-Регенау-Хольстон — деникинский контрразведчик, один из руководителей гестаповского “Зондерштаба Р” в Варшаве»³⁰. Однако реально существовавшее лицо — это граф Борис Алексеевич Смысловский (1897–1988), генерал-майор Вермахта, использовал псевдонимы Регенау и Хольстон. Он родился в городе Териокки (ныне Зеленогорск), а Ю. Г. Слепухин жил и работал над романом в 50 километрах от него — во Всеволожске.

Прототип капитана Кривенко, члена «Суворовского союза», адъютанта Б. А. Смысловского, — поручик Г. В. Клименко. «Российское Военно-Национальное Освободительное Движение им Генералиссимуса А. В. Суворова» имело свой орган — газету «Суворовец» (Буэнос-Айрес, 1948–1965) ответственным редактором этой газеты был Г. В. Клименко. И. Г. Слепухина вспоминала, что ее брат очень интересовался этой организацией вплоть до своего отъезда в СССР³¹.

Буквально одно упоминание есть о блоке «Государево служилое войско» — коалиционной организации русских

³⁰ Слепухин Ю. Г. Избранное. У черты заката. Южный крест. СПб.: Ладога, 2011. С. 519.

³¹ Слепухина И. Г. Указ. соч. С. 60 данного издания.

монархистов в Аргентине, существовавшей с 1948 г. по 1950 г. В организацию, призванную объединить всех эмигрантов из России, ориентирующихся на великого князя Владимира Кирилловича, на коллегиальных началах вошли «Российский Имперский Союз», «Высший Монархический Союз», «Народно-Имперское Штабс-капитанское движение». Руководитель аргентинского отдела «Российского Имперского Союза» Николай Иванович Сахновский (1904–1991) стал председателем «Государева служилого войска». Он действительно приехал из Бельгии после Второй Мировой войны, так как служил в легионе СС «Валлония». Сахновский явился одним из прототипов упоминаемого в романе «Мавраки из Брюсселя». Вторым его прототипом стал Николай Николаевич Мазаракий (1905–1965), редактор русской антикоммунистической газеты на испанском языке «Frente Comun Contra el Comunismo» («Общий Фронт Против Коммунизма»), бухгалтер бельгийской фирмы, специалист в геральдике. До своего переезда в Аргентину из Бельгии в 1949 г. он действительно переводил на французский язык произведения Ф. М. Достоевского³².

Криминальная хроника в «Новом Русском Слове», сейчас кажущаяся наивной, была любимой «страшилкой» советской пропаганды об ужасе жизни при капитализме и на Западе: убийства, кражи, ограбления и т. д. На самом деле «Новое русское слово» (Нью-Йорк, 1920–2009) была и остается самым крупным и солидным русскоязычным периодическим изданием в Америке, общеэмигрантской газетой, распространяемой везде, где были и есть русские диаспоры. В описываемое время президентом-издателем газеты был Виктор Исаакович Шимкин, а главным редактором (1923–1973 гг.) — известный журналист и публицист Марк Ефимович Вейнбаум (1890–1973). Тираж газеты был 22 000–23 000 экз. В «Новом русском слове» публиковались почти все представители русской эмиграции. Исключение составляли экстремисты справа и слева: национал-большевистские, просоветские и черносотенные группировки. Среди авторов первой эмиграции нужно выделить М. А. Алданова, Дон Аминадо,

³² Слепухин Ю. Г. Избранное. У черты заката. Южный крест. СПб.: Ладога, 2011. С. 743.

И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, Тэффи, Аргуса, М. В. Вишняка, Б. И. Николаевского, А. Ф. Керенского, А. Л. Толстую и многих других. В «Новом русском слове» также печатались Н. Градобоев, М. М. Коряков, Н. И. Ульянов, В. К. Завалишин, Т. В. Фесенко, В. И. Юрасов из второй «волны».

Нельзя не сказать о том, что многим вымышленным персонажам рассматриваемых нами романов Слепухина свойственны черты характера и факты биографии близких знакомых и друзей будущего писателя. Один из них – ныне здравствующий видный общественный и политический деятель Русского Зарубежья Игорь Николаевич Андрушкевич³³.

Порой на страницах романа проскальзывает ирония по поводу существования «России № 2». «Словом, игра в деловую жизнь, как и все прочие эмигрантские игры, — в политику, журналистику, в армию... Устраивают съезды и конгрессы, издают еженедельные газетки на четырех полосах, тиражом в две–три тысячи экземпляров, глубокомысленно обсуждают “легитимность прав” того или иного претендента на российский престол, производят поручиков в капитаны»³⁴.

Один из вымышленных второстепенных персонажей романа — «Серж Тamarцев» — имел реального прототипа. Это писатель, публицист и идеолог монархизма Борис Башилов (1909–1970). Его настоящие имя и фамилия Борис Платонович Юркевич, но он пользовался так же псевдонимами Тamarцев, Тamarкин и Михаил Алексеевич Поморцев. Создатель в Буэнос-Айресе издательства «Русь», постоянный автор газеты «Наша страна», он написал книги: «Записки бежавшего от настоящего социализма», «Унтерменши, морлоки или русские (наблюдения „внутреннего эмигранта“», «История русского масонства», художественные и научно-популярные произведения о географических открытиях, сделанных русскими путешественниками.

Существенным надо признать и упоминание «библиотеки у отца Изразцова при бывшей посольской церкви

³³ Подробнее об И. Н. Андрушкевиче см. раздел «Сведения об авторах» настоящего издания.

³⁴ Слепухин Ю. Г. Южный крест. М., 1982. С. 8. (Роман-газета ; № 12).

на Брасиль»³⁵. Отец Константин (в миру Константин Гавриилович) Изразцов (1865–1953) построил в Аргентине 16 православных церквей, в том числе и Святой Троицкий кафедральный собор в историческом центре Буэнос-Айреса. Он же исполнял в годы Первой мировой войны обязанности царского консула, был неформальным лидером русской эмиграции. Действительно, о. Константин при храмах учреждал библиотеки. Книги там, по мнению главного героя «Южного креста», «старье рижское»³⁶ — т. е. популярные у читателей первой эмиграции «женские романы» В. И. Крыжановской-Рочестер и А. А. Вербицкой, бульварно-приключенческие Н. Н. Брешко-Брешковского, которые действительно печатали русские издательства в Латвии. Писатель, путешественник, генерал Петр Николаевич Краснов³⁷ (1869–1946) тоже публиковался в Риге. Его романы считались самыми популярными произведениями эмигрантской литературы в русском зарубежье. П. Н. Краснов в общественном мнении ставился даже выше Льва Николаевича Толстого, ибо «поручик Толстой не смог понять душу русской армии, а генерал Краснов смог». Роман Краснова «От двуглавого орла к красному знамени» был переведен на 15 языков, его общий тираж, распространенный в странах Европы, Америки и Азии, составил более двух миллионов экземпляров. А вот никакого отношения к Латвии не имел Иван Лукьянович Солоневич³⁸ (1891–1953), выпускник юридического факультета Петроградского университета, репортер газеты «Новое Время», участник Белого движения. После побега из заключения Иван Солоневич написал международный бестселлер «Россия в концлагере», разоблачающий карательную систему в СССР. Более всего И. Л. Солоневич известен как идеолог «неомонархизма», основатель и первый редактор газеты «Наша страна» (Буэнос-Айрес, 1948 — наши дни; максимальный тираж 9 000–10 000 экз.) и автор много раз переиздававшийся книги «Народная монархия». Кстати, именно

³⁵ Там же. С. 64.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

эти два автора и писатели второй волны в монархической, правой среде русской диаспоры в Аргентине пользовались большой популярностью. Ю. Г. Слепухин смог упомянуть без инициалов только их фамилии. Для автора «Южного креста» и его героев Михаила Полунина и Дуняши идеалом является И. А. Бунин. Полунин в восторге от романа «Жизнь Арсеньева», а сердце русской эмигрантки покорено бунинскими стихами: «Ты знаешь, для меня нет ничего прекраснее — даже у Пушкина»³⁹.

По-разному живут русские эмигранты в романе на просторах Южной Америки. Чья-то жизнь похожа на авантюру, а чья-то — на тяжелое выживание. Всех их объединяет ностальгия по России. Слепухин пишет о русской эмиграции XX века слова, не потерявшие актуальности и в наши дни. «Жить в России никогда не было легко, но никогда русский человек не покидал свою землю ради лучшей жизни, а вынужденная эмиграция всегда оборачивалась для него бедой. Самый близкий пример — судьба бывших “белых”. Люди покинули Родину не сколько из соображений личной выгоды, а сохраняя верность определенным убеждениям; уже одно это должно было служить моральной поддержкой. А вот не служит! Ведь трагедия белой эмиграции не в том, что бывшим кавалергардам пришлось водить такси, а известным писателям — довольствоваться сотрудничеством в грошовых еженедельных листах; ее трагедия в том, что русские люди потеряли Россию»⁴⁰.

Присутствует на страницах «Южного креста» и советфильская эмиграция. После установления дипломатических отношений между СССР и Аргентиной советское посольство начало активную деятельность по формированию в Аргентине множества «славянских клубов. Они были предназначены для «трудовых эмигрантов» и их потомков из царской России и государств-лимитрофов, в меньшей степени для первой белой «волны». В «Южном Кресте» введен образ Надежды Аркадьевны Основской, директора просоветской русской библиотеки. По воспоминаниям И. Г. Слепухиной, «в Буэнос-Айресе, в те годы, жила некая Наталья

³⁹ Слепухин Ю. Г. Избранное. У черты заката. Южный крест. СПб.: Ладога, 2011. С. 553.

⁴⁰ Там же. С. 656.

Андреевна Сосновская, еще из первой, белой эмиграции, у которой была своя, частная библиотека и свои постоянные читатели, этим, кстати, она и жила. Конечно, среди них был и Юрий Григорьевич, как она говорила, ее самый любимый читатель. Отношения у них действительно были очень дружеские, и он часто засиживался у нее в библиотеке за чашкой чая и разговорами. Дама эта почему-то слыла «розовой», т. е. просоветской, и его дружбу с ней осуждали. И вот в самом конце пятьдесят шестого года Сосновская позвонила Юрию Григорьевичу и попросила прийти, добавив, что это очень важно. Встретила она его смущенно, долго не зная, как начать разговор, и, наконец, призналась, что уже давно свела знакомство с представителями советского посольства, в частности с неким Гармашовым (если не ошибаюсь, он был послом в то время), который и попросил ее свести их с Юрием Григорьевичем.⁴¹ К этому можно ещё добавить, что «С 1935 и вплоть до 1962 г. в Буэнос-Айресе существовало «Русское Книжное Дело» (Книжное Агентство и Библиотека «Новая Книга»), в котором инженер А. С. Сосновский предлагал новейшие книги и журналы, библиотеку новейшей литературы, учебники, словари, принималась также подписка на технические и научные журналы. В 1945 г. издательством «Новая Книга» А. С. Сосновского был выпущен сборник «Песни Родины»⁴².

Вторая эмиграция жила с ярлыками изменников. Ю. Г. Слепухин так описывает эти настроения: «Еще не так давно в каждом рассказе о кознях американской разведки фигурировал какой-нибудь завербованный подонок из “ди-пи”»⁴³. Тем не менее, любовь к России, тоска по Родине оказались сильнее всего как для писателя, так и для его героя, и оба они вернулись в Россию. Недаром литературный критик С. Плеханов в рецензии на «Южный крест» отмечал, что «Патриотизм героя выстрадан годами мытарств на чужбине»⁴⁴.

⁴¹ Слепухина И. Г. Указ. соч. С. 71 данного издания.

⁴² Мосейкина М. Н. Печать и издательское дело русской эмиграции в странах Латинской Америки в 1940–1970-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011. № 6 (12). Ч. 2. С. 132.

⁴³ Слепухин Ю. Г. избранное. У черты заката. Южный крест. СПб.: Ладога, 2011. С. 642.

⁴⁴ Плеханов С. Арена борьбы — политика // Правда. 1981. 13 сент.

«Не подводя итогов» — последнее произведение Слепухина. Работа над книгой шла уже в 1990-е гг.

Николай Львович Болотов, 1900 года рождения, белый офицер, оказался в «Беломоро-балтийском комбинате» (в эту часть ГУЛага входил знаменитый Соловецкий лагерь) в Повенце. В конце жизни он инженер в Аргентине.

Роман насыщен реальными рассуждениями русских эмигрантов о Гражданской войне и советском строе.

Герой Слепухина полностью оправдывает белый террор, как минимальный в условиях России начала XX века, и сожалеет, вслед за В. В. Шульгиным, что Л. Г. Корнилову не удалось разогнать болтунов из Временного правительства и повесить пятерых большевиков для успокоения родины. Зато страна не знала бы красного террора и ГУЛага⁴⁵, считает герой. Сам В. В. Шульгин упоминается в связи с основной мыслью его книги «Три столицы»: коммунистический эксперимент полностью провалился, и только НЭП — путь в нормальную жизнь, «все как прежде, только чуть похуже»⁴⁶.

Ю. Слепухин, на уровне современной эмигрантоведческой науки, считает — и это находит отражение в романе, — что за высмеиванием эмигрантов в советской печати 20-х гг. стоял страх перед большевистской властью⁴⁷.

Писатель устами своего героя затрагивает тему уничтожения большевиками русской культуры. «Русская культура стала целенаправленно уничтожаться сразу после октябрьского переворота. Победу в Гражданской войне Ленин отпраздновал символическим актом изгнания философов. Гумилев и Блок открыли мартиролог нашей поэзии советского периода»⁴⁸. Это цитата не из парижской газеты «Возрождение» и не из нью-йоркского «Нового журнала» — это роман «Не подводя итогов». Порой кажется, что Юрий Григорьевич, рассуждая о культурном «подъеме» масс в первые годы советской власти, приводит слова известного историка второй волны Н. И. Ульянова.

⁴⁵ Слепухин Ю. Г. Избранное. Джоанна Аларика. Государева крестница. Пантократор. Частный случай. Не подводя итогов. СПб., 2011. С. 802.

⁴⁶ Там же. С. 812.

⁴⁷ Там же. С. 814–815.

⁴⁸ Там же. С. 816.

Да, восклицает герой романа: у зарубежной России была нелегкая жизнь, но — свободная. Эмигранты могли выпускать и читать независимые издания: «Возрождение», «Руль», «Последние новости», «Часовой». За рубежом открыто спорили младороссы, сменовеховцы, евразийцы, монархисты-кирилловцы, монархисты-николаевцы, республиканцы-милюковцы и т.д. И никаких тебе инструкций и распоряжений за нарушение, чреватых концлагерем⁴⁹.

Интересно отметить и рассуждения автора о «белой идее», основное содержание которой — не дать Ленину и Троцкому захватить Россию. Вроде бы «белая идея», к несчастью для России, проиграла. «Правота наша [пишет Ю. Г. Слепухин рукой Болотова] — в личной трагедии каждой жертвы большевистского террора. Она в глубочайшей нравственной деградации советских людей, в их неизбывной и ставшей уже привычной состоянием страны нищете»⁵⁰.

В Белом движении пропагандистский лозунг «Освага»: «Ленин — Антихрист» воспринимался как шутка, но история первых лет советской власти серьезно заставила задуматься над долей истины в ней⁵¹. Болотов воспроизводит популярную идею в среде правой русской эмиграции (в том числе и НТС), что Россия была завоевана большевиками так же, как Римская империя германцами, а Византия — турками⁵². В чем причина этого завоевания, почему бывшие проигранные? Основной виновник — левая русская интеллигенция, ее шизофреническое антигосударственное мышление⁵³. Национальные же «корни русского большевизма» — выдумки польских русофобов, считает герой⁵⁴. За этой концепцией, высмеивающей и детально опровергающих западных публицистов, стоит целая школа общественной мысли русской эмиграции, в том числе и историк Н. И. Ульянов.

⁴⁹ Там же. С. 818.

⁵⁰ Там же. С. 851.

⁵¹ Там же. С. 858.

⁵² Там же. С. 891.

⁵³ Там же. С. 887.

⁵⁴ Там же. С. 935.

Еще одна причина победы коммунистов — эгоистический сепаратизм народов России, как в 1920–1921 гг., так в 1939–1940-х. Красная Армия все равно ликвидировала все эти национальные и псевдонациональные территориальные образования, а белых, чтобы спасти местную интеллигенцию от террора, уже не было. Предают, как известно, свои. Поэтому герой Слепухина подчеркивает роковую роль казачков-сепаратистов, разваливавших стан белых, особенно осенью 1919 г.⁵⁵

Заканчивается роман рассуждениями писателя о выдаче в 1945–1947 гг. русских эмигрантов лицемерными англичанами на расправу смершевцам, «но те хоть были просто убийцы, делали свое дело и не прикидывались джентльменами...»⁵⁶.

Как вывод к теме русской эмиграции в жизни и творчестве Слепухина можно привести слова из внутренней рецензии на «Южный крест» писателя, редактора «Роман-газеты» В. Ганичева: «И возможно, это первое произведение о наших латиноамериканских скитальцах. Но дело даже не в этом. Вам удалось рассказать о подлинной любви к Родине, о той ностальгии, которая присуща лишь русским. В романе действуют живые люди, удались многие образы. И еще, книга читается с интересом, а, прямо скажем, это удастся далеко не всегда даже известным писателям»⁵⁷.



⁵⁵ Там же. С. 892.

⁵⁶ Там же. С. 936.

⁵⁷ Архив Ю. Г. Слепухина. Письмо В. Ганичева на бланке «Роман-газеты» от 20 нояб. 1981 г.